

Сяо Чжи вез человека на велосипеде, петляя по запутанным переулкам, и наконец остановился перед ветхим домом.

Называть это строение ветхим домом — значит еще сильно польстить ему.

Вокруг валялся мусор, в переулке роились мухи, кишели крысы; стоило потерять бдительность, как можно было наступить на одну из них, совершив нежелательный контакт. Ямы на дороге были заполнены черной зловонной жижей, и когда мимо проезжали машины, брызги разлетались так высоко, что одежда мгновенно становилась черной от грязи.

Даже будучи морально готовым, Цэнь Чу не мог смириться с фактом, что Сяо Чжи живет в подобном месте.

Разве это место для жизни? Сяо Чжи всегда выглядел опрятно, и на фоне этой разрухи он напоминал цветок лотоса, который, по легенде, не оскверняется грязью.

Поэтому, чего бы это ни стоило, он заставит Сяо Чжи съехать. Он не позволит ему здесь оставаться. Кто-то скажет, что это неуважение к личным границам и давление, но ему плевать. В прошлой жизни его староста уже настрадался, а в этой, пока он рядом, он непременно обеспечит ему достойную жизнь.

Ничего не попишешь, у него есть возможности, и он не намерен терпеть несправедливость, пусть даже сейчас он во многом зависит от семьи Цэнь.

Он — здоровый парень, с руками и ногами, неужели он не сможет содержать любимого человека?

Он собирался завтра осторожно прощупать почву, но изменил решение. Почему бы не сделать это прямо сейчас?

Сяо Чжи не сможет отказаться. Он просто заберет его с собой, и если тот вдруг начнет упрямиться — что ж, он просто поселится у него дома и никуда не уйдет.

Немного слез, немного шума, немного настойчивости — Сяо Чжи обязательно сдастся.

Цэнь Чу глубоко вздохнул и сердито спросил:

— Ты действительно живешь в таком месте?

— М-м, — Сяо Чжи кивнул, явно чувствуя неловкость от тона Цэнь Чу. — Может, лучше поедем в больницу? Здесь слишком...

— Сяо Чжи, поехали ко мне домой, — перебил его Цэнь Чу.

— А? — Сяо Чжи озадаченно посмотрел на него.

Цэнь Чу указал на здание:

— Посмотри на этот дом, разве здесь можно жить? Бытовые условия никуда не годятся, звукоизоляции никакой. Ты же старшеклассник, завтра начнется третий год обучения, как ты собираешься здесь нормально учиться?

— К тому же, ты подумал о безопасности? Вполне вероятно, что однажды ты вернешься и обнаружишь, что квартиру обнесли. Как я могу быть спокоен, зная, что ты живешь здесь?

— Сяо Чжи, если ты считаешь меня другом, послушайся. Не живи здесь, это не принесет тебе ничего, кроме проблем.

Сяо Чжи горько усмехнулся и покачал головой:

— Съехать? И куда мне податься? Цэнь Чу, я знаю, что у тебя обеспеченная семья, ты не видел настоящих страданий, поэтому тебе не понять. Но реальность такова: там, где вы не видите, мы изо всех сил пытаемся выжить.

— Мы торгуемся за каждый пучок зелени на рынке, радуясь лишней головке чеснока. Цэнь Чу, квартиру нельзя сменить по щелчку пальцев. Куда мне идти, кто меня примет?

Цэнь Чу печально посмотрел на него.

...

Спустя полчаса, глядя на трехсотметровую виллу семьи Цэнь, Сяо Чжи невольно цокнул языком.

Он знал, что семья Цэнь богата, но не до такой же степени. Даже в его воспоминаниях родной дом не был таким огромным.

101 поспешно сделал пометку:

[Четвертое правило обольщения объекта: будь настойчив. Не спрашивай его мнения, решай сам.]

По правде говоря, за прошедшие полчаса 101 так и не понял, что произошло.

Он видел лишь, как Цэнь Чу властно вошел в дом Сяо Чжи, собрал все его важные вещи и привез к себе.

Цэнь Чу заранее подготовил родителей, комната была убрана заранее, прямо по соседству с его спальней. Оба будут жить на четвертом этаже.

На первом жили две помощницы по хозяйству и садовник, на втором — родители Цэнь, на третьем — старшая сестра.

Семья Цэнь не любила, когда в доме было полно чужих людей, поэтому прислуги было немного — только самые необходимые для уборки и готовки. В отличие от других семей, где было по восемнадцать слуг и дворецкие, семья Цэнь считала это пустой показухой. К тому же, когда вокруг столько людей, чувствуешь себя скованно, особенно родителям, которые любили уединение.

Поэтому семья единогласно решила не раздувать штат.

Как искусный манипулятор, Цэнь Чу не мог позволить Сяо Чжи жить далеко, он мечтал, чтобы они были под одной крышей.

Вспомнив об этом, Цэнь Чу горько пожалел: знал бы, что так получится, остался бы у Сяо Чжи ночевать. Проверить бы ситуацию на месте.

Он был уверен, что в квартире Сяо Чжи была лишь одна кровать, и им пришлось бы ютиться вместе.

Обидно, Цэнь Чу был готов расплакаться, упустил такой шанс.

101: ...Стоит ли сказать своему хозяину, что он бесстыдник?

Домашняя помощница, увидев, что Цэнь Чу привел кого-то, долго смотрела на гостя, и в ее глазах блеснули слезы.

Ее взгляд еще больше смутил Сяо Чжи, он мямлил край одежды, стоя рядом с Цэнь Чу, заметно нервничая.

Цэнь Чу взял Сяо Чжи за руку и тепло представил его помощнице:

— Тетя, это мой одноклассник Сяо Чжи, с сегодняшнего дня он будет жить с нами.

— Ты и есть тот самый Сяо? Сяо Чу нам уже все уши прожужжал, хороший мальчик,
— помощница одарила Сяо Чжи доброй улыбкой.

Она была тронута историей Сяо Чжи: в возрасте, когда дети должны быть под опекой родителей, он уже сам тянул на себе хозяйство.

Выглядел он таким худым, разве это жизнь?

Чтобы никто из домашних не задавал лишних вопросов и не задевал достоинство подростка жалостливыми взглядами, Цэнь Чу, готовя почву перед родителями, рассказал об обстоятельствах Сяо Чжи и остальным.

Все прониклись глубоким сочувствием, им хотелось пригласить Сяо Чжи в дом, поэтому их взгляды выражали не жалость, а сердечную заботу и поддержку.

Конечно, они были лишь наемными работниками, но когда Цэнь Чу привез парня, все были искренне рады и уже подготовили для него все необходимое.

Люди, работающие в семье Цэнь, были добрыми и сердечными. Они не задирали нос из-за того, что работают в богатом доме, и относились друг к другу как к родственникам.

Семья Цэнь не была против такого отношения, и все жили в мире.

...

Лежа вечером в мягкой постели, Сяо Чжи все еще не мог поверить, что он в доме Цэнь Чу.

Сяо Чжи перевернулся на бок, лицом к балкону. Шторы были раздвинуты, лунный свет заливал комнату, и он отчетливо видел раскидистую крону бегонии за окном.

Цэнь Чу сейчас был за стеной. Он говорил, что его мать больна и отец в больнице рядом с ней.

Честно говоря, Сяо Чжи завидовал Цэнь Чу. Ему нужно приложить вдвое больше усилий, стать лучше, чтобы обрести уверенность, стоя рядом с таким человеком.

Сяо Чжи, давно не спавший на такой удобной кровати, ворочался с боку на бок. Бессонница.

Это была третья бессонная ночь за месяц, и во всех случаях причиной был Цэнь Чу.

Он до сих пор не понимал, как они вообще стали друзьями. Они были как две параллельные прямые, которые должны были расходиться все дальше.

Разница между ними была слишком велика, как говорят, они из разных миров.

Сяо Чжи становилось все более беспокойно. Он зарылся лицом в подушку, накрылся одеялом с головой, плотно подоткнул его со всех сторон, пока не перекрыл доступ воздуха.

Не думать. Как говорится, корабль найдет путь сквозь волны, будь что будет.

Да, они параллельные прямые, и только усилия Цэнь Чу заставили их пересечься.

Пока Сяо Чжи не спал, Цэнь Чу всю переписывался с Цзян Тяньчэном.

[Цзян Чэнцзы: Ну как, моя актерская игра сегодня после обеда была на высоте?]

[Белый чай: Неплохо, но ты действовал слишком жестко. У нас что, личные счеты?]

[Цзян Чэнцзы: Смешно, мы же братья, какие личные счеты? Советую не клеветать на меня.]

Цзян Тяньчэн нахмурился, увидев сообщение, смахнул его как спам и, перевернувшись, продолжил переписку.

[Цзян Чэнцзы: Мы договорились, завтра ты обязательно должен мне помочь. Хочу посмотреть, кто такой смелый решился на меня донести.]

[Белый чай: Оставь это. Ты уже в первой школе, приструни свой барский характер, учись прилежно, поступишь в хороший вуз, порадуешь родителей, не заставляй их вечно исправлять твои ошибки.]

[Цзян Чэнцзы: Зачем так стараться? Все равно после выпуска отец отправит меня за границу для галочки, а потом вернусь и буду управлять компанией. Есть столько толковых подчиненных, о чем мне беспокоиться?]

[Белый чай: Хорошо, что ты не девушка.]

[Цзян Чэнцзы: ???]

[Цзян Чэнцзы: В смысле? Запал на меня, брат?]

[Белый чай: Тогда бы тебя выдали замуж, сидел бы дома как богатая супруга, и все бы вокруг прислуживали.]

[Цзян Чэнцзы: Фу, что за бред несешь. Все, не хочу говорить, спать пора.]

Видя смайлик с закатанными глазами от Цзян Тяньчэна, Цэнь Чу рассмеялся и покачал головой. Он отложил телефон, но глаза не закрывались. Одно осознание того, что Сяо Чжи за стеной, вызвало такое возбуждение, что сон как рукой сняло.

— 101, я так взволнован.

— Хозяин, советую быть добрее.

Цэнь Чу возмутился:

— С чего это я недобрый? Именно такие «добрые» люди, как я, привозят нуждающихся одноклассников домой. Кто еще может быть добрее меня?

— У меня нет слов.

Цэнь Чу поправил одеяло, чувствуя, как подступает сон:

— Я спать, завтра еще занятия.

Перед сном он помнил, что должен был что-то сделать, но так и не вспомнил что именно.

Вспомнил лишь на следующее утро.

Сяо Чжи, с рюкзаком в руках, замер на лестнице, ошоломлен при виде пары, сидящей за столом, на лицах которых не было ни тени усталости.

Очевидно, они тоже заметили его.

Сяо Чжи увидел женщину — видимо, мать Цэнь Чу, — она тоже застыла, глядя на него.

В ее глазах он увидел шок, недоумение и жалость, но ни капли неприязни или отвращения. Отец Цэнь выглядел спокойнее.

Мать Цэнь долго молчала, прежде чем произнести:

— Ты тот самый одноклассник Чу Чу, верно? Ой, почему так рано? Садись скорее завтракать.

— Хорошо, спасибо, — Сяо Чжи крепко сжал лямки рюкзака, поджал губы и, делая шаг за шагом, спустился вниз, сев на почтительном расстоянии от родителей Цэнь.

Помощница, услышав шум, поспешила подать завтрак.

— Малыш, не знаю, любишь ли ты такое. Если что не по вкусу, скажи тете, завтра приготовлю другое.

— А? — Сяо Чжи бросил взгляд на родителей Цэнь, и, увидев, что те не возражают против такой инициативы, ответил: — Нет, тетя, все хорошо, я такое ем и очень люблю.

Помощница улыбнулась:

— Раз любишь, хорошо. Пойду приготовлю для нашего молодого господина, он скоро

спустится.

— Хорошо, — Сяо Чжи тихо кивнул и улыбнулся родителям.

А тем временем сам Цэнь Чу стоял перед раковиной, механически чистя зубы, с огромными темными кругами под глазами.

Он вчера страдал бессонницей, ворочался до трех часов ночи, уснул лишь под утро, и тут зазвенел будильник.

Помучившись полминуты, Цэнь Чу отбросил одеяло и в полубессознательном состоянии поплелся в ванную.

Только чистя зубы, он вспомнил, что забыл о приезде родителей сегодня утром.

Если они вернулись, то наверняка будут завтракать внизу, а ведь дома еще и Сяо Чжи.

Цэнь Чу с максимально возможной скоростью привел себя в порядок, схватил рюкзак и в панике побежал вниз, где увидел сцену, как Сяо Чжи оживленно беседует с его родителями.

Он произвел слишком много шума, чем привлек всеобщее внимание.

Цэнь Чу: ...

Он должен был догадаться, что его староста такой способный, что легко найдет общий язык с его родителями.

Мать Цэнь еще не знала всего, но отец был явно очарован Сяо Чжи — послушным и прилежным учеником.

Отец годами работал в бизнесе, умел видеть людей насквозь и не нашел в Сяо Чжи никаких изъянов, кроме его тяжелой судьбы.

Но от рождения не убежишь, и они лишь искренне сочувствовали парню.

В глазах отца Сяо Чжи уже прошел проверку.

— Чего стоишь, спускайся. Посмотри на своего одноклассника, учись в одной школе, а какая разница, — отец не стал щадить сына даже в присутствии будущей невестки.

Сначала нужно выставить напоказ недостатки, а потом позволить Сяо Чжи самому разглядеть достоинства сына.

Цэнь Чу, напряжение которого отпустило, с облегчением вздохнул и проворчал:

— Он староста, лучший в параллели, разве я могу с ним сравниться? Не завышайте планку.

Еще когда он только «готовил почву», он намекал, что влюблен в человека, который, возможно, станет их невесткой.

Мать Цэнь была в восторге, ведь они с отцом Цэнь прошли путь от школьной скамьи до брака. Она двумя руками была «за».

Отец же проявил осторожность, сказав, чтобы Цэнь Чу не мешал учебе — это важнее всего.

Цэнь Чу тогда бил себя в грудь, клянясь, что не будет мешать. Как он может помешать светлому будущему своего старосты? Они вместе добьются успехов.

Гордость распирала его: они оба такие выдающиеся, теперь уж точно он не будет «недостойным» своего старосты.

Но пока что матери было сложно принять перемены.

Отец бросил на Цэнь Чу красноречивый взгляд:

— Кроме как выращивать свои цветы, ты хоть на что-то способен?

Цэнь Чу, усевшись рядом с Сяо Чжи, гордо ответил:

— А что не так с цветами? В твоем кабинете до сих пор стоят цветы, которые я вырастил, и ты хвастаешься всем, что это работа твоего сына, думаешь, я не знаю? Хм.

Отец: ...

Опять подкалывает, паршивец.

— Нет, что вы, Цэнь Чу в этом месяце сильно подтянулся в учебе, думаю, к следующей контрольной он войдет в топ-500, — заступился Сяо Чжи.

Отец был тронут тем, как искренне тот защищает Цэнь Чу. Все-таки невестка — золото.

— Что ж, будем ждать результатов. Придется тебе, Сяо Чжи, как следует подтянуть этого

оболтуса.

— Это мой долг, — улыбнулся Сяо Чжи. Ему очень нравилось проводить время с Цэнь Чу.

— Кстати, — мать Цэнь вдруг вспомнила, — я слышала, у тебя долги. Давай мы их погасим, а ты бросишь свою подработку, как тебе?

— Нет, что вы, — Сяо Чжи опешил от такой прямоты. Он был шокирован ходом мыслей матери Цэнь.

И так уже обременяет их своим присутствием, как можно позволить им еще и долги платить?

— Считаю это долгом нам. Твои занятия с Чу Чу очень помогают ему, и плата за помощь перекроет долг. Подумай, — мать Цэнь не ходила вокруг да около.

— Это... — Сяо Чжи растерянно посмотрел на Цэнь Чу, надеясь, что тот поможет ему отговорить мать.

Но Цэнь Чу только подлил масла в огонь:

— Думаю, отличная идея. Лучше быть должным одной семье, чем куче людей. Мы не торопим с возвратом, а сейчас для тебя критический момент в учебе. Если подработка помешает — это будет сожаление на всю жизнь.

Сяо Чжи: ...

Если бы он сейчас пошел на экзамен, то легко набрал бы семьсот баллов. Какие там помехи учебе? Неужели они думают, что он слабак?

Это и была реальная сила Сяо Чжи.

Но, видя, что Цэнь Чу искренне заботится о нем, Сяо Чжи после раздумий согласился, настояв лишь на написании долговой расписки.

Цэнь Чу знал, что у того есть принципы, и не стал спорить.

Позавтракав, они вместе отправились в школу на велосипеде Цэнь Чу.

Его вчерашние «травмы» почти прошли, к тому же, там и без того было много игры.

Мать Цэнь задумчиво пила соевое молоко. Где же та понимающая мать, что была мгновение

назад?

— Дорогая, что случилось? — удивился отец.

Мать Цэнь покачала головой:

— Просто слишком большой диссонанс.

Невестка в ее мечтах должна была быть мягкой, нежной, умеющей ласково разговаривать.

Но образ Сяо Чжи был далек от мягкости. Напротив, он показался ей холодноватым и таким худым, что казался почти прозрачным. Нет, его нужно хорошенько откормить.

Отец понимал ее стандарты, но теперь все было иначе, даже пол не совпадал, поэтому принять это было непросто.

Мать Цэнь, все больше размышляя, после завтрака улеглась на диван и начала общаться с подругами.

После долгого разговора она внезапно прозрела.

Точно! Какое ее дело? Не ей же с ним жить всю жизнь. Главное, чтобы Цэнь Чу был счастлив.

— В школе.

Сегодня Цзян Тяньчэн пришел раньше Цэнь Чу.

Как только тот появился, Цзян Тяньчэн не смог сдержать любопытства и заиграл бровями:

— Брат, ну как, вчерашняя ночь прошла успешно?

— Успешно.

<http://bllate.org/book/22513/2377446>